

© 2025. Т. А. Алпатова

Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия

Пути репрезентации географического пространства в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789)

Аннотация: Статья посвящена анализу способов представления географической темы в журнале «Детское чтение для сердца и разума», выявлению их типологии с учетом проблемно-тематических и жанрово-поэтических особенностей публикаций. Основой исследования стали материалы журнала за 1785–1789 гг., тематически связанные с проблемами географии и содержащие как развернутые, так и локальные географические образы. Установлено, что проблемно-тематический состав и содержание публикаций в значительной степени строились на географической образности. Это отвечало основным просветительским установкам эпохи — соединения развлекательного и полезного чтения. Выделено четыре основных типа репрезентации географической образности: аллегорический, дидактико-педагогический, просветительский и субъективно-эмоциональный. Идеологическая прагматика обращений к географической образности определялась в журнале несколькими устойчивыми идеологемами Просвещения: естественного равенства людей, открытости и разнообразия мира, экспансии человека в нем. Дуализм концепции журнала позволял издателям сочетать просветительские и руссоистские подходы в трактовке картины мироздания.

Ключевые слова: гуманитарная география, географическая образность, сентиментализм, предромантизм, жанр путешествия, Н. М. Карамзин, К. Ф. Мориц.

Информация об авторе: Татьяна Александровна Алпатова, доктор филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ул. Фридриха Энгельса, д. 21 а, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6852-0537>

E-mail: alpatova2005@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 29.09.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 15.12.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2025

Для цитирования: Алпатова Т. А. Пути репрезентации географического пространства в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 24–43. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-24-43>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 24–43. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 24–43. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Tatyana A. Alpatova
State University of Education
Moscow, Russia

Ways of Representing Geographical Space in the Journal “Children’s Reading for the Heart and Mind” (1785–1789)

Abstract: The article examines the ways of presenting the geographic theme in the journal “Children’s Reading for the Heart and Mind,” identifies their typology, taking into account the problem-thematic and genre-poetic features of the publications. The study relies on the publications of the journal from 1785 to 1789, thematically related to the problems of geography and containing geographic images, both detailed and local. The article shows that the problem-thematic composition and content of the publications were largely based on geographic imagery. This corresponded to the main educational guidelines of the era, i. e., a combination of entertaining and useful reading. The article distinguishes four main types of representation of geographic imagery: allegorical, didactic-pedagogical, educational, and subjective-emotional. The ideological pragmatics of appeals to geographic imagery in the journal rises from several stable ideologemes of the Enlightenment: the natural equality of people, the openness and diversity of the world, the expansion of man in it. The dualism of the journal’s concept allowed the publishers to combine educational and Rousseauist approaches in interpreting the picture of the universe.

Keywords: human geography, geographical imagery, sentimentalism, pre-romanticism, travel genre, N. M. Karamzin, K.-F. Moritz.

Information about the author: Tatyana A. Alpatova, DSc in Philology, Associate Professor, State University of Education, Friedrich Engels St., 21 a, 105005 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6852-0537>

E-mail: alpatova2005@yandex.ru

Received: September 29, 2024

Approved after reviewing: December 15, 2024

Published: March 25, 2025

For citation: Alpatova, T. A. “Ways of Representing Geographical Space in the Journal ‘Children’s Reading for the Heart and Mind’ (1785–1789).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 24–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-24-43>

Первый русский журнал для детей, издававшийся по инициативе Н. И. Новикова в типографии Московского университета с 1795 по 1789 г. и объединявший вокруг себя таких ярких писателей-просветителей, как М. А. Прокопович-Антонский, А. П. Петров, Н. М. Карамзин, оказался у истоков множества самых разнообразных начинаний отечественной детской литературы. Исследовательский интерес к нему по традиции определялся в первую очередь значением этого издания в творческой эволюции Н. М. Карамзина [Привалова 1964; Привалова 1966; Привалова 1976; Cross; Акчурина; Кудрявцева; Черепнева]. Интерес к публикациям издания поддерживает также проблема источников, иллюстрирующая логику и динамику освоения российской детской литературой западноевропейского контекста, из которого она выросла [Рак, Соколинский: 57–75; Симанков: 323–374]. При этом состав и характер источников, оказавшихся в основе публикаций журнала, неизбежно выводил на одно из первых мест тему многообразия и широты географического пространства; журнал становился средством настоящего «открытия мира», важность которого в эпоху Просвещения была очевидна.

Наряду с филологической культурой, география и история становились в этот период определяющими сферами образования, призванными в конечном итоге сформировать нового «идеального человека» в первую очередь как открытого миру, в диалоге с ним постигающего и дары «внешнего» пространства — окружающей жизни, и возможности собственного разума и души. Сформулированный через несколько лет на страницах «Писем русского путешественника» призыв карамзинского героя: «Путешествуй, кто только может!» [Карамзин: 94], для детской аудитории означал полезность, увлекательность и поистине личностную необходимость готовиться к такого рода путешествию — чему в значительной мере и служила репрезентация географического пространства в публикациях журнала.

Исходной идеей исследования стала мысль об определяющем характере просветительской концепции мира и человека для становления географии как науки, а также для оформления «географического сознания» героя-современника. XVIII столетие и в Западной Европе, и в России представляло собой переходную эпоху, когда, с одной стороны, интенсивно оформлялся научный характер географического знания, с другой стороны, в сознании современников жива была традиция аллегорической соотнесенности пространства с ценностной парадигмой, «сакральная география» Средних веков, перестраиваемая на базе новой, формирующейся системы секуляризованных ценностей. Географический образ существовал в эту эпоху, предельно реализуя свой культурно-семиотический потенциал, дуализм «реального» и «воображаемого», «конструируемого» пространства, предполагал разветвленную систему художественной репрезентации, и в итоге формировал новое осознание человеком окружающего мира. Тем более значительным оказался подобный образ в учебно-воспитательном дискурсе формирующейся в XVIII в. детской литературы — репрезентация различных географических пространств способствовала реализации наиболее популярной у просветителей педагогической установки «полезного увеселения», возможности с помощью пространственной экзотики в равной мере развлекать и передавать знания, формировать личность.

Методология исследования основывается на синтетическом подходе, объединяющем принципы культурно-семиотического исследования привлекаемых материалов и методов «культурной географии», «гуманитарной географии», нацеленных на исследование различных по типу и масштабу географических образов как «высказываний о мире», характерных для эпохи их породившей, в результате чего концептуализация географического образа оказывается характеристикой не столько эмпирически воспринимаемого «пространства», сколько представлений о нем, вырабатываемых, продуцируемых и транслируемых с помощью определенного «языка», глубоко включенного в систему дискурсивных практик эпохи.

Цель данной статьи — проанализировать наиболее характерные виды и способы представления географической темы в журнале «Детское чтение для сердца и разума», выявить их типологию с учетом проблемно-тематических и жанрово-поэтических особенностей публикаций.

Материалом исследования послужили публикации журнала, тематически связанные с проблемами географии и содержащие географические образы — как развернутые, так и локальные. К анализу привлекались публикации всех жанров, как научно-популярные, так и художественные, и гибридные по своей природе, сочетающие элементы «реальности» (фрагменты путешествий, записок первооткрывателей различных географических пространств, естественнонаучных сочинений) и «вымысла». При этом особое внимание уделялось материалам журнала, генетически связанным с последующими публикациями аналогичной тематики, в первую очередь Н. М. Карамзина, для которого «географический» аспект публикаций «Детского чтения...» в ряде случаев становился основой последующего развертывания аналогичных мотивов в «Письмах русского путешественника».

Географические мотивы широко представлены в журнале «Детское чтение...», что вполне соответствовало типологическим особенностям западноевропейских детских журналов, из которых заимствовались публикации для русского издания. Воспитательная установка — сформировать личность, жизненные интересы и потребности которой не ограничиваются узким уголком «своего», малого пространства, устойчивыми представлениями об образе жизни и традициях, но выходят в сферу широкого «жизненного пространства», в сущности, всего Земного шара. Для ребенка это — поле заинтересованного внимания, формирование которого и обеспечивалось изображением увлекательных путешествий в далекие экзотические страны, изображением причудливых мест действия в авантурных или трогательных сюжетных повествованиях, представлением удивительных растений, животных, обычаев и др.

Благоприятная реакция на роман Ф. А. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда» (1763), синтезировавшего для читателя авантурную занимательность и познавательную ценность разнообразных сведений, в том числе о географии азиатских, европейских стран, Северной Африки, стала одним из первых свидетельств потребности читающей публики в подобном объединении. В дальнейшем издательские принципы публикаций в типографической кампании Н. И. Новикова также поддерживали этот интерес — среди книг, напечатанных в типографии Московского университета,

к разделу «География и путешествия» относилось 25 наименований. Журнал, адресованный детям, развивал эту тенденцию и позволял ей раскрыться применительно к формированию личности.

В целом основные пути репрезентации географического пространства в журнале видятся в сфере нескольких проблемно-тематических и прагматических рядов: *аллегорический — дидактический (педагогический) — просветительский — субъективно-эмоциональный*. При этом данные подходы к репрезентации географического пространства вполне соотносимы со стадиями его освоения в литературе, находящейся на этапе движения от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания, от барочно-классицистической к сентиментально-предромантической концепции взаимных связей мира и человека. Различные способы ее представления, выработанные искусством, от аллегорического до субъективно-эмоционального, не были жестко отграничены друг от друга, однако рационализированный дискурс просветительской периодики XVIII в. все же позволяет выделять доминанту изображения — и соответственно, представить каждый из этих подходов достаточно четко и последовательно.

Рассмотрим каждый из географических дискурсов журнала.

Традиции условно-аллегорической «географии» в западноевропейской литературе XVII–XVIII вв., как и в российских публикациях XVIII столетия, были наиболее устойчивыми, а сам тип подобного представления пространства — наиболее завершенным и четко отграниченным от всех других разновидностей репрезентации. Собственно пространство в данном случае настолько насыщалось иными, в первую очередь философско-дидактическими идеями, что растворялось в этом дискурсе, не будучи уже ни реальностью внешней, ни даже внутренней, а в сущности, не будучи реальностью вообще, а именно опредмечиванием, объективацией того или иного идеологического конструкта на своеобразной «ментальной карте» представлений эпохи.

Нормативно-дидактическая поэтика как эстетическая система, а герметико-эзотерическая, в частности, масонская литература как историко-литературный феномен оказывались «большим» контекстом для опытов аллегорической репрезентации пространства на страницах «Детского чтения...». Подобных публикаций в журнале

немного, что, безусловно, объяснимо как просветительской установкой издания в целом, так и историко-литературной ситуацией — в последние десятилетия XVIII в. аллегоризм представления пространства был уже литературным анахронизмом, воспринимался как примета литературы значительно более ранней — то есть маркировался и опознавался как что-то давно знакомое, однако отживающее. Применительно к восприятию детской аудиторией это могло означать, с одной стороны, относительную «прозрачность» предполагаемого дидактического смысла публикации, с другой — установку на пассивное восприятие, некую «веру» в предлагаемый рассказ, определяющую имплицитный образ его «идеального читателя».

Само «пространство» в подобных публикациях воспринималось именно как внутреннее: разнообразные ситуации, перипетии и испытания, которые готовит человеку жизнь. В изображении, безусловно, превалировали характеристики поведения героя, причин, и особенно последствий его поступков; описаний аллегорического пространства практически не было (возможно, именно вследствие спада моды на аллегорические тексты в конце XVIII в.). При этом «путешествие» трактовалось как «жизненный путь» человека, а дидактическая, воспитательная установка издания обуславливала постановку цели такого путешествия — земля Благополучия (ср. конечную цель первоначального путешествия Тирсиса, героя романа П. Тальмана «Езда в остров Любви», превратившегося в переводе В. К. Третьяковского на русской почве в некий «единственный роман», универсальную модель репрезентации жизни как аллегорического пространства, а пространства — как жизни во всех ее причудливых переменах).

На страницах «Детского чтения...» в землю Благополучия путешествуют и мальчики, и девочки (представляя основу для отождествления различным частям аудитории), при этом раскрывается достаточно похожая модель: трудности жизненного пути в аллегорическом пространстве маркируются препятствиями (горой, вырастающей на пути героя; каменистой дорогой и т. п.), которые, тем не менее, оказываются преодолимы для тех, кто готов к упорному труду и решительно идет к намеченной цели, не страшась препятствия. Так, путешествующие в сторону Страны Благополучия сестры, Мария и София, движутся разными дорогами и встречают разных попутчиков. Для наряженной в красивое платье Марии — это Роскошь,

Чувственное Удовольствие и Рассеянность, которые приглашают ее в свои «великолепные замки и прелестные сады» («Путешествие в землю Благополучия. Аллегорическая повесть») [Детское чтение... 1785. 3. № 34: 123–124]. Суетность и Гордость оказывают ей знаки уважения, но Корыстолюбие, Неумеренность и Расточительность крадут ее драгоценности, и это делает Марию несчастной. «Время лишило ее красоты, досада покрыла лицо ее морщинами, неумеренность разрушила ее здоровье и лишила ее сил и бодрости продолжать свое путешествие» [Детское чтение... 1786. 6. № 2: 22]. Путь Софии в «легком платье невинности» [Детское чтение... 1786. 6. № 2: 23] поначалу не так роскошен, но более легок; «она проскакивала с легкостью через камни, которые лежали на дороге» [Детское чтение... 1786. 6. № 2: 23], не прельщалась богатыми дворцами, «находила ... отдохновение под древесною тенью; умеренная пища и спокойный сон в надлежащее время всегда возобновляли ее силы...», «небо над нею всегда было ясно; везде встречали ее ласковость и дружество; в себе самой чувствовала она невинность и спокойствие совести» [Детское чтение... 1786. 6. № 2: 24]. Земля Благополучия может быть достигнута лишь добродетельным человеком — этот принцип, как своеобразная «ландкарта», необходим путешественнику — в образе которого в аллегорическом дискурсе журнала подразумевается всякий человек, следующий по своему жизненному пути.

При этом аллегорический смысл пространственного перемещения мог быть различным; к наиболее частой идеологеме «жизненного пути» в детском журнале добавлялись расшифровки, связанные с идеями учения и просвещения — также сложного, предполагающего трудный и тернистый «путь к знанию» (ср. Путешественник попадает в своем «путешествии жизни» «к худым проводникам, то есть несмысленным учителям, которые затрудняют ему все способы к приобретению познаний» («Путешественник»)) [Детское чтение... 1786. 8. № 45: 126]. Аллегорический смысл этюда «Молодой путешественник» непосредственно связывается с овладением «искусством путешествовать»: герой его, Скоробег, был слишком поспешен и жаден до новизны, и поэтому «возвратившись домой, не знал ничего о тех местах, чрез которые проезжал, кроме их имени. Тогда-то усмотрел он свою глупость, и должен был снова начать путешествовать» [Детское чтение... 1785. 2. № 14: 16].

К аллегорической репрезентации географического пространства в журнале примыкают также публикации, генетически связанные с одним из наиболее популярных жанров рационально-дидактической литературы XVIII в. — «восточной повестью» (или «восточной сказкой», как нередко именуется она на страницах «Детского чтения...», генетически обусловленной популярностью в литературе той поры сказок «Тысячи и одной ночи»). В дискурсе детского издания жанр этот теряет почти обязательный для «взрослой» версии подтекст политической сатиры (ср. «восточную повесть» И. А. Крылова «Каиб»); «восточная» топика в изображении места действия практически отсутствует, и в результате географическая локализация, связанная с Востоком, становилась, с одной стороны, средством занимательности (прагматически определяющей столь значительное увлечение экзотизмом в литературе XVIII в. в целом), с другой же — возможностью руссоистской трактовки конфликтов, что было связано с решением более сложной дидактической задачи. Невероятные примеры дружбы, благочестия, верности, самоотверженности, в том числе самоотверженности детей, отнесенные в далекий экзотический край, оказываются в русле руссоистской трактовки морали: соотносимые с «цивилизацией» европейцы удивляются ярким проявлениям доброты в представителях Востока (остающихся «детьми природы») (см. «Повесть о Селеме и Ксамире», ч. 1; «Восточная сказка», ч. 1; «Великодушная дочь. Китайский анекдот», ч. 2; «Пример правосудия и братской любви», ч. 2 и др.).

Сентименталистский, руссоистский в своей основе колорит изображения далекого экзотического пространства как сферы, в которой сохраняется не поврежденной естественная нравственность людей, возникает в журнале в публикациях, посвященных американским индейцам (называемым «индийцами»). Подобная трактовка представляется тем более привлекательной, что сюжеты заметок обычно предполагали противопоставление чистых сердцем «индийцев» и европейцев, не способных к подобному; герои-туземцы предстают в характеристиках путешественников-европейцев, которые заново открывают для себя единство нравственных ценностей, открытых всем народам, и сравнительно большую человечность и искренность «детей природы». Обратим внимание на «Трогательный пример набожности одного индийца» (ч. 2), где изображается юноша, который

принес в жертву Великому Духу водопада все, что считал ценным, что комментируется путешественником в истинно руссоистском ключе: «Не сомневаюсь, что такая его жертва и молитва была гораздо приятнее общему Отцу рода человеческого, нежели красноречивая молитва какого-нибудь просвещенного Европейца, который при пышных словах в сердце ничего не чувствует» («Трогательный пример набожности одного молодого Индийца») [Детское чтение... 1785. 2. № 20: 99–100].

Географическая образность, представленная в контексте аллегорического дискурса журнальных публикаций, выполняла в данном случае прикладную задачу дополнительной конкретизации представленных «примеров (добродетельных поступков или заблуждений), которые, будучи соотнесены с локализованными географическими пространствами, представлялись более «жизненными», приближались к читательскому эмпирическому опыту. Экзотичность этих пространств (Китай, «Щастливая Аравия», Америка) связывалась в контексте «ментального картографирования» эпохи со сферой «природы», противоположной «цивилизации» (полюс которой в европоцентрическом сознании Просвещения соотносился с западноевропейскими странами) и оценивалась в сугубо положительном ключе — как места не просто интересные и привлекательные своей таинственностью, но хранящие неповрежденными истинные ценности, возвращение к которым декларировалось в сентиментально-предромантическом дискурсе эпохи.

Характеристика аллегорического восприятия пространства, «ментального картографирования» вступала на страницах журнала во взаимодействие с картографированием реальным, интенсивное развитие которого начинается в XVIII в., в результате чего географическая карта становится не только инструментом в руках профессионалов — ученых или путешественников — но и широко распространенным культурным артефактом и учебным инструментом. При этом географическая карта как «чертеж Земли» оказывалась одним из наиболее наглядных способов для ощущения единства мира, что помогало выработать тот тип открытого «географического сознания», который был востребован эпохой.

На страницах «Детского чтения...», особенно в первый год издания журнала, возникает довольно примечательный способ пред-

ставления географического пространства через своеобразный педагогический «комментарий», предлагающий читателям советы, как соединить чтение материалов журнала с изучением географии: «Если вы, любезные дети, хотите с пользою читать сии листы, то должно вам находить на ландкарте те земли и города, о которых здесь говорится, и замечать то место, где оне лежат. Еще больше пользы будете иметь, есть ли при том станете читать хорошую географию, и что поважнее, выучивать...» («Разговор между отцом и сыном о снеге») [Детское чтение... 1785. 1. № 8: 118]. В примечании редакции поясняется и то, каким образом в публикации будет объединяться сюжетная занимательность и полезные сведения из разных областей науки (природоведения, ботаники, зоологии, экономической географии и собственно географии); предполагается, что пространство описания будет тут же соотноситься читателями с представлением реальности на географической карте: «В рассуждении географии, будем мы означать только какое-нибудь главное обстоятельство и положение того места, о котором упомянем, для того, чтобы вы могли сыскать его на ландкарте. Есть ли вы последуете нашему совету, то в несколько лет без труда получите изрядный успех в географии»...» [Детское чтение... 1785. 1. № 8: 119].

В этой части издания образ географической карты возникает неоднократно, что связано, по-видимому, с активным становлением методики преподавания и изучения географии в последние десятилетия XVIII в. Персонажи «Детского чтения...», прилежно рассматривающие географическую карту и отыскивающие на ней заданные взрослым объекты (см. беседы Добросерда с детьми, становящиеся дидактико-педагогическим «обрамлением» целого ряда публикаций журнала, в том числе первой — восточной «Повести о Селеме и Ксамире»), выстраивают своеобразную поведенческую модель для читательской аудитории журнала — как детей, так и взрослых, занимающихся их воспитанием. В публикациях первых частей «Детского чтения...» отсылки к географической карте и задания, которые можно выполнить, пользуясь ею, присутствуют довольно регулярно, предполагается и возможность познавательных, дидактических игр с нею.

Любопытное описание такой игры дается во II части журнала, где использован традиционный для сатирических журналов XVIII в.

жанр «сатирического письма», стилизующий речь персонажей, что позволяло им не только высказать напрямую отношение к жизненным проблемам, но и непроизвольно раскрыть свой кругозор в речевой характеристике. В сатирико-дидактической «Переписке отца с сыном о деревенской жизни» юный петиметр жалуется отцу на трудности, грубость, скуку в деревне у дядюшки и просит забрать его как можно скорее в город. При этом одна из жалоб на скуку и то, что его никто здесь не способен понять, основана на курьезной омонимии слова «карта» — игральная и географическая. В ответ на просьбу героя двоюродный брат, к его изумлению, дает ему «несколько ланд-карт», с которыми, оказывается, можно даже и играть, притом игра эта оказывается куда более полезной и занимательной, разнообразной и неожиданной, нежели карточная. «Он принес мне коробочку с подклеенными бумажками, на которых написаны были имена разных провинций и городов. — “Из этой коробочки ... вынимаем мы иногда по несколько билетцов, и батюшка заставляет каждого из нас прикидывать на карте тот город, которого имя он вынул, и после чего-нибудь о нем рассказывать. Это бывает для нас очень весело”» [Детское чтение... 1786. 2. № 21: 124].

Так базовый дидактический принцип эпохи — употреблять «в пользу» «праздное время» — применительно к географической образности оказывается максимально конкретизированным, позволяя читателям активно взаимодействовать с книжкой журнала, делать ее частью не только обучения, но и развлечения, следовать собственным путем в освоении географического пространства, открывавшегося на страницах журнала.

Основной объем публикаций журнала, анализируемых в аспекте представления географического пространства, выполняет сугубо просветительскую цель — представить читателям максимально полезные (и насколько это возможно, подробные) сведения о различных географических объектах, от континентов и отдельных государств до локальных — горы, реки, города и др. Действие сюжетных публикаций (рассказов, «анекдотов», «повестей») происходит в разнообразных локализованных географических пространствах — Италии, Германии, России, Турции, Китая, Ост-Индии, Америки и др.; многие публикации журнала представляли собой «извлечения» из записок путешественников; естественнонаучные статьи содержали

подробную характеристику мест, в которых были распространены описанные растения или животные. Это уже не педагогические советы об интеграции полученных сведений в другие сферы жизни, прежде всего, учебу; географические сведения, которые наполняют журнал, раскрывают читателю-ребенку богатство и разнообразие окружающего мира, создают ощущение постоянного движения, динамики событий, причудливых явлений природы и человеческой культуры, существующих в самых разных областях мира. Географическое пространство на этом уровне раскрывается в журнале достаточно конкретно — это не отвлеченная аллегория, и даже не схематическая картография; избегая пространных описаний, которые были бы неуместны в произведениях, адресованных детям, журнальные статьи, тем не менее, создавали ощущение зримого пространства во всем его многообразии.

Примечательны зачины целого ряда сюжетных публикаций журнала, всякий раз представляющие читателю обозначение места действия, четко локализованного в географическом пространстве. Эта особенность многократно проявляется в небольших рассказах и морально-дидактических очерках, опубликованных в журнале. Воспроизводящий сюжет шекспировского «Венецианского купца» «анекдот» под названием «Судейский приговор» начинается так: «В Амстердаме жил купец...», причем зачин тут же снабжается примечанием редакции: «Амстердам есть главный город в Голландии, одной из соединенных Нидерландских провинций» [Детское чтение... 1785. 1. № 7: 103]; ср.: «Это приключение случилось в 1755 году в небольшой деревеньке, Бергамолетто, в долине Стурской», с примечанием: «Сия долина находится в княжестве Пьемонтском, в Италии...» [Детское чтение... 1785. 1. № 7: 124]; «Несколько Португальских кораблей отправлено было из Лиссабона в Гою, большое и цветущее селение сея нации в Ост-Индии...» [Детское чтение... 1786. 2. № 15: 22]; «Один купец в турецком городе Смирне имел сына...» [Детское чтение... 1786. 2. № 15: 29] и др. В едином свертке детского журнала многочисленные «координаты», представляющие самые разнообразные точки географического пространства, в совокупности выстраивали гуманистическую картину мира: везде в нем живут люди, все они заняты близкими и понятными делами, все достойны сочувственного внимания и братской любви, независимо от того, насколько близко

или далеко место их жизни; не только разнообразие мира, но и его обжитость становилась, таким образом, основой просветительского осмысления географического пространства в журнале.

Установка на сообщение читателям различного рода «полезных сведений» привела к публикации в «Детском чтении...» целого ряда извлечений из естественнонаучных сочинений об экзотических растениях и животных, что способствовало представлению географического пространства в аспекте природных «диких и чудес». Дискурс этот был развит уже в древнейшие периоды литературы, на этом принципе, в частности, основывалась характеристика экзотических животных в средневековых бестиариях. Просветительская установка, реализованная в детском журнале, иная; она предполагала ориентацию на достоверные, научные источники, пусть и изложенные в доступной для детей форме.

Интересным примером, позволяющим оценить соотношение легендарного и верифицируемого научного знания в просветительском дискурсе детской периодики той поры, может служить и примечательная для последующего развития русской литературы статья «О некотором ядовитом дереве, находящемся на острове Яве, в Ост-Индии» [Боголюбова: 310–323]. Недостоверный, полный фантастических подробностей рассказ голландского врача Ф. Фурша в ней, тем не менее, включается в систему просветительского дискурса, раскрывающегося в данном случае в связи с проблемами верификации сведений и гуманистического пафоса статьи.

Публикация о ядовитом дереве Богон-Упас содержала целый ряд мотивов, впоследствии ставших устойчивыми в представлении легендарного «древа яда»: пустынный ландшафт вокруг дерева, заставляющий на мифопоэтическом уровне воспринимать его как инвертированное «мировое дерево» — дерево смерти вместо дерева жизни («окрестная земля на 4 или 5 часов около сего дерева суха и не производит никаких плодов. Не видно там никакого дерева, никакого кустарника и даже никакой травки. Я <...> везде находил только сухую и пустую землю» [Детское чтение... 1786. 7. № 30: 102]); звери и птицы не могут приближаться к дереву («никакого животного там не видали <...> даже и в ручье нет никакой рыбы; ... во всей тамошней стороне не видали ни одной мыши, никакого червяка или комара; когда ж какая-нибудь птица подлетит к дереву так близко, что его

испарения могут до нее дойти, то падает на землю и умирает» [Детское чтение... 1786. 7. № 30: 106]); яд дерева правитель использует для приготовления отравленных стрел, которые рассеивают смерть («Государь ежегодно получает знатный доход от серы, вытекающей из Богон-Упаса, которою военные люди намазывают свое оружие» [Детское чтение... 1786. 7. № 30: 109]).

Центром публикации становится описание опасного и динамично-напряженного взаимодействия с ядовитым деревом человека, который отправляется к нему — в версии Фурша, это приговоренные к смерти преступники, которым страшное поручение принести яд дает временную надежду (если им это удавалось, и они оставались живы, то получали помилование). В описании подчеркивается невероятная опасность яда, действующего на гигантском расстоянии от дерева, удивительные защитные средства, используемые преступниками, гуманность и человеколюбие в обращении с ними (якобы путешественник общался со священником, который специально подготавливал этих людей к выполнению страшного поручения, заботился и сожалел о них). Сочетание занимательного и познавательного, таким образом, определяет прагматическую задачу основных составных частей изложенной легенды, а замечание в просветительском духе от издателя позволяет поставить вопрос о верификации рассказа, поддерживаемой в данном случае множеством подобных прецедентов: «...повествования сего не можно почесть за выдумку, потому что и в других местах, а особливо в Америке, находятся подобные ядовитые деревья» [Детское чтение... 1786. 7. № 30: 109]. Просветительский оптимизм в воззрении на мир поддерживается в этой публикации завершающим замечанием в русле концепции пользы всего в мире, познаваемости природных феноменов человеческим сознанием и своеобразной веры в «прогресс» использования природы себе во благо — даже в случаях, когда это представляется парадоксальным: «Без сомнения, и сие смертоносное растение имеет великую пользу, для которой оно создано от Бога, хотя мы и не знаем сия пользы» [Детское чтение... 1786. 7. № 30: 109].

Линию развития географической образности в процессе литературного движения от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания можно схематично представить как движение от аллегорического, рацио-

нализированного образа, всецело подчиненного иллюстрированию отвлеченной идеи, к противоположному полюсу — образу максимально индивидуализированному не только в конкретных внешних чертах, но и в подробностях его субъективно-эмоционального восприятия, индивидуального «проживания» географического пространства рассказчиком. Примеры этого, хотя и немногочисленные, также есть на страницах «Детского чтения...»; типологически они представляются наиболее тесно связанными с последующим творческим развитием Н. М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника».

Такова публикация «Описание большой пещеры в Дербиширских горах», представлявшая собой перевод фрагмента книги немецкого философа, писателя и психолога К. Ф. Морица «Путешествие немца по Англии», активный «диалог» с которой Карамзин будет вести на страницах «Писем...». Книга эта представляла также сцены общения путешественника с Морицом, в результате чего выстраивалась своеобразная концепция взаимодействия «русского» и «немецкого» путешественников как фигур, институционализирующих процесс становления национального самосознания в диалоге с миром [Алпатова: 65–74].

Фрагмент, посвященной Дербиширской пещере, строится у Морица таким образом, что характеристика географического пространства соединяется с эмоциональными переживаниями рассказчика, соотносящего свою прогулку по пещере с опытом внутреннего перерождения, своеобразной инициации. Это действительно иное пространство, соотносимое со сновидческим («сам я подумал бы, что это мне приснилось...» [Детское чтение... 1785. 3. № 34: 116]). Вход в него осуществляется при помощи проводника — странного человека, «который имел вид дикий и суровый» [Детское чтение... 1785. 3. № 34: 117]; спуск в пещеру подобен спуску в подземный мир мертвецов, причем описание в данном случае разительно отличается от основного массива географических материалов журнала — как богатством и выразительностью деталей, так и эмоциональностью рассказчика, причем мифопоэтический подтекст описания поддерживается ощущением невероятной значимости опыта «общения» с этим пространством для рассказчика. «Исполнен будучи почтением, видел я во внутренних глубинах Натуры открытое величие Творца, и

прославил Его в сей торжественной тишине и в сей священной темноте...» [Детское чтение... 1785. 3. № 34: 123–124].

Так принцип занимательности и полезности сведений о географических объектах, в равной мере значимых для всякого просвещенного человека, уступает место субъективной значимости переживания, которое с ними связывается, что отвечало новым принципам «сентиментального путешествия», предложенным Л. Стерном и активно разрабатываемым последователями, в числе которых был и Карамзин. Экскурс о Дербиширской пещере в журнале «Детское чтение...» становится, таким образом, одним из первых опытов того подхода к описанию пространства, в том числе пространства географического, который будет основным в «Письмах...» и впоследствии определит пути развития литературы путешествий в России.

Проблемно-тематический состав и содержание публикаций в журнале «Детское чтение для сердца и разума» в значительной степени строился на географической образности, реализуя основные просветительские установки эпохи: тема географического представления Земли, как и тема «путешествий», соответствовала возрастным запросам аудитории, давала возможность соединять «удовольствие» и «пользу». Публикации журнала, так или иначе связанные с географической образностью, позволяют представить четыре основных типа ее репрезентации: аллегорический, дидактико-педагогический, просветительский и субъективно-эмоциональный. Каждый из способов тяготеет к определенным жанровым моделям, тем более устойчивым, чем более раскрытие географического пространства подчинялось нормативно-рационалистическим принципам изображения (так, самые устойчивые модели «аллегорического рассказа» и «восточной повести» соответствуют наиболее условным представлениям географических координат).

Идеологическая прагматика обращений к географической образности определялась в журнале несколькими устойчивыми идеологемами Просвещения: естественного равенства людей, открытости и разнообразия мира, экспансия человека в котором обеспечивает возможность прогресса, в указанных аспектах определяемого, с одной стороны, идеей освоения внешнего по отношению к человеку пространства, с другой — раскрытия потенциала этого пространства по мере его «обживания» активной просвещенной личностью. Дуализм

концепции журнала при этом позволял издателям свободно сочетать просветительские и руссоистские подходы в трактовке картины мироздания, когда экзотические географические пространства и люди, их населяющие, осмысливались одновременно в аспекте естественного равенства и при этом нравственного превосходства по отношению к европейцам (которые в силу этого должны не возноситься перед «диками», но брать с них пример в верности нравственным принципам и т.п.). Субъективно-эмоциональная, а не только познавательная ценность путешествия начинает раскрываться на страницах «Детского чтения...» и впоследствии станет одним из определяющих принципов освоения географической образности в русской литературе благодаря опыту Н. М. Карамзина.

Список литературы
Источники

Детское чтение для сердца и разума. М.: Унив. тип., у Н. И. Новикова, 1785–1789. Ч. 1–20.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю. М. Лотман и др. Л.: Наука, 1984. 717 с.

Рак В. Д., Соколинский Е. К. «Детское чтение для сердца и разума». Роспись содержания 2-го издания Детского чтения с указанием источников // Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб.: РНБ, 2000. Т. 2: Журналы (Г–Ж). С. 57–75.

Исследования

Акчурина А. Р. Н. М. Карамзин — журналист. М.: МГУ, 2016. 216 с.

Алтатова Т. А. Н. М. Карамзин и К. Ф. Мориц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 2. С. 65–74. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-2-65-74>

Боголюбова В. Г. Еще раз об источниках «Анчара» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 310–323.

Кудрявцева Е. Б. Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в. СПб.: Нестор-История, 2010. 177 с.

Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. СПб.: ИРЛИ РАН, 1964. Т. 6. С. 258–268.

Привалова Е. П. «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л.: Наука, 1966. С. 254–260.

Привалова Е. П. Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. СПб.: ИРЛИ РАН. 1976. Т. 11. С. 104–112.

Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век: сб. ст. и материалов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. Сб. 28. С. 323–374.

Черепнева Л. М. Первый российский журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» и его работа с аудиторией // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 3. С. 100–118.

Cross, A. G. N. M. Karamzin: A Study of His Literary Career, 1783–1803. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1971. 306 p.

References

- Akchurina, A. R. N. M. *Karamzin — zhurnalist* [*Karamzin as a Journalist*]. Moscow, Moscow State University Publ., 2016. 216 p. (In Russ.)
- Alpatova, T. A. “N. M. Karamzin i K. F. Morits” [“N. M. Karamzin and K. F. Moritz”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya*, no. 2, 2020, pp. 65–74. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-2-65-74> (In Russ.)
- Bogoliubova, V. G. “Eshche raz ob istochnikakh ‘Anchara.’” [“Once Again About the Sources of ‘Anchar.’”] *Pushkin. Issledovaniia i materialy* [*Pushkin. Research and Materials*], vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, pp. 310–323. (In Russ.)
- Kudriavtseva, E. B. *Dlia serdtsa i razuma: Detskaia literatura v Rossii XVIII v.* [*For the Heart and Mind: Children’s Literature in Russia in the 18th Century*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010. 177 p. (In Russ.)
- Privalova, E. P. “O sotrudnikakh zhurnala ‘Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma.’” [“About the Staff of the Magazine ‘Children’s Reading for the Heart and Mind.’”] *XVIII vek* [18th Century], vol. 6. St. Petersburg, IRLI RAS Publ., 1964, pp. 258–268. (In Russ.)
- Privalova, E. P. “‘Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma’ v otsenke chitatelei i kritiki” [“‘Children’s Reading for the Heart and Mind’ in the Assessment of Readers and Critics”]. *Rol’ i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kul’tury* [*The Role and Significance of 18th-Century Literature in the History of Russian Culture*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 254–260. (In Russ.)
- Privalova, E. P. “Sotsial’naia problema na stranitsakh zhurnala Novikova ‘Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma.’” [“Social Problem on the Pages of Novikov’s Magazine ‘Children’s Reading for the Heart and Mind.’”] *XVIII vek* [18th Century], vol. 11. St. Petersburg, IRLI RAS Publ., 1976, pp. 104–112. (In Russ.)
- Simankov, V. I. “Istochniki zhurnala ‘Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma’ (1785–1789)” [“Sources of the Journal ‘Children’s Reading for the Heart and Mind’ (1785–1789)”]. *XVIII vek* [18th Century], issue 28. Moscow, St. Petersburg, Al’ians-Arkheo Publ., 2015, pp. 323–374. (In Russ.)
- Cherepneva, L. M. “Pervyi rossiiskii zhurnal dlia detei ‘Detskoe chtenie dlia serdtsa i razuma’ i ego rabota s auditoriei” [“The First Russian Magazine for Children ‘Children’s Reading for the Heart and Mind’ and Its Work with the Audience”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 3, 2020, pp. 100–118. (In Russ.)
- Cross, Anthony G. N. M. *Karamzin: A Study of His Literary Career, 1783–1803*. Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1971. 306 p. (In English)